УДК 130.12+316.3

ПРОЕКТЫ СОЦИАЛЬНОГО ЕДИНСТВА: ИДЕОЛОГИЯ ТОТАЛЬНОСТИ VS ФИЛОСОФИИ ЦЕЛОСТНОСТИ

Ю. Ю. Бродецкая, канд.соц.наук, доцент кафедры философии и политологии Национальной металлургической академии Украины

Акцент исследования сосредоточен на анализе феномена целостности и проектах его реализации, представленных в классической и современной социально-философской традициях. Условия развития современного общества, его характер и перспективы, требуют решения проблематики социального единения, способного восстановить утраченный социальный порядок. Социальная практика XX столетия выявила несостоятельность рационального проекта общества-государства, распространяющего свою монополию на все сферы человеческого со-бытия. Кризис идеологии тотальности заявил о себе реальной угрозой человеческого со-существования. В связи с этим, автор обращается к теме тотальности, поиску сущностных аспектов и угроз данного феномена. По мнению автора, исследование феномена тотальности, выявление условий его инвестирования в социальную жизнь позволяет выявить деструктивный потенциал феномена, угрожающий решению проблемы индивидуальной и социальной целостности, определить стратегии и механизмы трансформации тотальных установок в социальную практику.

Ключевые слова: *тотальность, социальная целостность, идеология тотальности, насилие.*

Актуальность проблемы. Идеи социального единения приобретают особую актуальность во второй половине XX века в связи с размыванием общественной солидарности, деформацией порядка, усугубляющейся практикой тоталитарного проекта. Тотальность продуктов модерной реальности, деструктивность культа государства, коммерционализация сфер повседневной жизни человека, поставили под вопрос солидарность эпохи современности, активизировав теоретические поиски альтернативных социальных моделей. Общим основанием исследовательских интуиций становится критика государства и отчуждённых форм социальности, особенно активно разворачивающаяся в контексте возрастающей индивидуализации западного общества. В условиях сложившейся ситуации особую популярность приобретают исследования, посвященные потенциалу общностной (общинной) интеграции, целостности, заложенные проектом Gemeinschaft vs тотальности проекта Gesellschaft.

Анализ исследований посвященных проблематике единения, консолидирующему потенциалу социальности, представленный в современной

© Бродецкая Ю. Ю., 2015 http://dx.doi.org/10.5281/zenodo.32486

философской традиции работами Ж. Деррида, А Бадью, Ф. Лаку-Лабарта, Ж.Батайа, Ж.-Л. Нанси, М.Бланшо, Дж. Агамбена, Р.Эспозито, открывает новые аспекты феномена. По сути, формируется альтернативный политическому дискурс социального, для которого характерны радикальное сомнение в современном политическом словаре и поиск истоков интерпретации социальности. Концептуализировать человеческое «существование сообща», не допуская противоречия со свободой человека-субъекта – основная задача современной философии.

Несмотря на богатый эвристический потенциал данных исследовательских интуиций, вопрос границ политического и социального, тотальности и целостности остаются, все же, открыты. Поэтому основной **целью** статьи является анализ идеологии тотальности, инвестирующейся в социальность эпохи современности. Это, в свою очередь, позволит установить потенциал деструктивности феномена, выявить стратегии и механизмы его объективации. Исходя из этого, *проблемная ситуация* исследования заключается в необходимости концептуализации проблематики тотальности как условия деформации индивидуальной и социальной целостности, с целью формирования методологии исследования последней.

Авторитет традиции политической философии реализовал идею сообщества, как, прежде всего, политического конструкта – полиса-государства, то есть исторически сложившегося образования, детерминированного давлеющей силой коллективного принуждения (коллективных благ, как у Аристотеля, страха, как у Т.Гоббса или личных интересов, как в рациональном проекте Модерна). Эта модель тотального со-бытия, связности, на достаточно продолжительное время стала своеобразным паттерном мыслить социальное целое, ставшим камнем преткновения в анализе проблематики целостности, единства. В этой исследовательской перспективе государство становится топосом рождения и продуцирования идеи множественности, некой коллективной тотальности, философия которой помещает невовлеченного в социально-политические и экономические отношения человека в статус изгоя, противопоставляя его тем, кто находится внутри системы. Тотальность формирует соблазн индивидуализации субъекта, модель прагматичных со-отношений, воплощенных в рациональном проекте Модерна – обществе-государстве.

Другими словами, попытки концептуализации проблематики социальной целостности, актуализированные тенденциями современного общества, в рамках классической традиции политической философии натолкнулись на серьезные методологические противоречия. Как мыслить социальную целостность, какие коммуникативные схемы понимать в качестве последней, каковы условия и механизмы ее формирования, наконец, возможно ли достижение и реализация феномена целостности в контексте политического дискурса? Эти и похожие вопросы составили проблемное поле

современной философии, активно рефлексирующей над проблематикой человеческой событийности.

В связи с этим, анализируя феномен тотальности, в своей работе «Тотальность и бесконечное» Э. Левинас фокусирует внимание на проблеме насилия, как основании идеологии власти. Преодоление насилия, по мнению автора, является одной из магистральных задач современной философии, способной наблюдать реальные разрушительные последствия тоталитаризма. По мнению автора, тоталитарная практика XX века продемонстрировала в фактах трагедию идеи слияния общества и государства, господствующую в методологии классической философии на протяжении многих веков. Последствия тотального проекта, заставляют конкретизировать диалектику политической и социальной коммуникаций, выходить «за» пределы политического дискурса, демонстрируя всю утопичность тотального «единства».

Э.Левинас отмечает, что идеология тотальности это господство безличного всеобщего над сущим (частным, конкретным, беззащитным). «Лик бытия, проступающий в войне, может быть определен с помощью понятия «тотальность», господствующего в западной философии. Индивиды в условиях войны сводятся к простым носителям сил, управляющих ими без их ведома. Свой смысл индивиды черпают в этой тотальности, вне которой они непостижимы. Единичность каждого ныне присутствующего постоянно приносится в жертву будущему, призванному определить его объективный смысл. Поскольку в расчет берется только итоговый смысл, то лишь итоговый акт способен изменить существа в их бытии» [1, с.62].

Сила влияния идеологии тотальности, вера в возможность тотального «единства», по мнению исследователя, объясняются авторитетом гегелеанской традиции, наполнившей современный философский лексикон категориями «всеобщности, полноты, всеобъемлемости, поголовности»[1]. В рамках последней (как и в принципе во всей классической философии), «тотальность» (всеобщность в терминологии Г.Гегеля) есть основа и принцип бытия всех единичных вещей, в силу чего, единичное всегда зависимо[2]. Так, Г.Гегель, отождествляя тотальное с государством, определяет последнее в качестве основания социальных отношений семьи, общества, человека, ставит его «над» особенным и индивидуальным. Сакрализация политического, возводит, по мнению философа, государство в категорию этической всеобщности, наделенной статусом решать вопросы исторического и нравственного характера. Всемирная история может освободиться от моральной проблематики, располагающейся на уровне индивидов, поскольку историю творят не они.

1 Смотреть, например, интерпретацию понятия «тотальность» в современных Философских энциклопедических словарях.

2 Логичным развитием данного представления является идея гегельянской диалектики, что единичное и отдельное снимаются, преодолеваются в ходе развития, возвращаясь в лоно Всеобщего. Оно является началом и концом системы [2, с.214].

Такая исследовательская традиция, детерминирующая характер классической политической философии, объясняется отсутствием связей теоретико-методологической базы исследования с практическим аспектом. Другими словами, этичность и нравственность категорий «тотальность», «государство», «всеобщность» были состоятельны до появления реальных угроз тоталитаризма, с которыми сталкиваются современные исследователи, в том числе и Э.Левинас. Практики геноцида, нацизма, коммунизма, сталинизма открыто демонстрируют свою выраженную антисоциальную природу, лишая иллюзий относительно возможности тотального единения. В связи с этим, позиция Э.Левинаса, как и большинства современных исследователей, относительно деструктивности тотального, это скорее не результат беспристрастной интерпретаторской деятельности, а описание реального кризиса, к которому привело «тотализирующее мышление». Стереотипность и унифицированность последнего охватили традицию европейской философии, породив коммуникацию без диалога.

Неспособность «услышать» Другого – специфика тотального мышления, поскольку в силу собственной ограниченности, последнее видит в Другом лишь низший момент, требующий подчинения, преодоления. Центральной категорией здесь выступает Я, для которого все окружающее есть объекты использования, поэтому сводимы к содержанию его сознания. «Я занимает место Тотальности, которой нет равных, нет партнеров, а, следовательно, нет диалога. Тотальное (всеобщего) непременно принуждает индивида, лишает его особенности и уникальности, делает бессмысленной саму идею диалога. Тотальности не с кем вступать в диалог, она всасывает и переваривает все индивидуальное» [2, с.214][3].

Реальность любого тотального проекта, будь-то πόλις, *societas civilas, Gesellschaft, общество-государство,* это внешне детерминированная (государством) сила (давление, принуждение, всеобщий контроль), направленная на реализацию вполне конкретизированной цели – обладание властью[4].

3 Э. Левинас отмечает, что философское Я самотождественно по определению, поэтому он называет его «Самотождественным». «Я – это бытие, существование которого заключается в самоидентификации, в обретении своей идентичности при любых обстоятельствах...Я идентично себе даже в своих изменениях. Оно осведомлено о них, оно мыслит о них. Универсальная идентичность, способная включать в себя чужеродное, имеет костяк субъекта, первого лица. Универсальное мышление – это «Я мыслю»» [2, с.76]. Исследователь отмечает, «в философской традиции конфликты между Самотождественным и Другим разрешаются теоретически, когда Другой сводится к Самотождественному, или, конкретно с помощью...Государства» [Там же, с.85].

4 Понятие «тотальность» было введено в научный лексикон Х. Аренд для отождествления фашизма и социализма, с целью снятия «немецкой вины». Сама по себе категория «*тотальность*» занимает специфическую позицию в семантическом пространстве идеи «распространения чего-либо на всех или на всё, охвата всего». Прилагательное *тотальный* — «всеобъемлющий, всеобщий» [3, с.1335] образовано от французского *total*, которое, в свою очередь, возникло на основе латинского *totus* – «весь,

Власть и ее эксплуатация являются квинтэссенцией политического, центральным ядром идеологии тотальности, поскольку сама по себе власть уже есть тотальность[5].Это замкнутая в себе «всеобщность», где принцип единения деформирован в жесткую, принудительную гиперинтеграцию, требующую своей объективации в некой надреальности, исключающей интерес к человеческому, приватному, единичному. Это атомизированный, обезличенный механизм, система организации давлеющих жестких структур, чьи процедуры работы подчинены прагматичной логике: насилие — власть — контроль. Поэтому здесь исследуемо, верифицируемо лишь то, что имеет масштабы, структуру, функции, то есть то, что контролируемо (этим и объясняется методологическая размытость категории общества-государства).

Описание тотальности во всех ее «измах», по мнению большинства представителей психоаналитического направления анализа, есть попытка объяснения социальной патологии, непременно связанной с личной психопатологией диктаторов и их окружения, инкорпорирующего тоталитарные паттерны. Сама логика тотальности строится на «универсальности» тоталитарных решений[6] нестабильных и хаотичных по своей природе. В этой связи, исследуя природу человеческого Эго, переживающего на разных стадиях своего развития кризис идентичности, Э.Эриксон отмечает, что синтетическая функция последнего продуцирует два качественно различных «гештальта»: тотальность и целостность. Целостность, как искренность,

целый, всеобщий» [4, с.675]**.** Однако употребление слова «*тотальный*» связано в русском языке с целым рядом ограничений. Так, прилагательное *тотальный* уступает слову *всеобщий* в универсальности функционирования: всеобщий употребляется для характеристики как малых классов интегрируемых объектов, так и очень больших [5, с.79]. Употребление категории «*тотальность*» используются в языке преимущественно для обозначения жестких, деструктивных гиперинтеграций, в большинстве случаев «вызванных к жизни благодаря какой-то внешней силе — давлению социума или власти» [Там же, с.79]: тотальное истребление, тотальное разрушение, тотальная мобилизация, тотальная война, тотальный социальный взрыв, тотальная слежка, тотальный страх, тотальный контроль. Таким образом, наличие в семантической структуре слова *тотальный* негативного значения, следствие оформившегося в результате воздействия его негативного потенциала конкретизированного общественно-политическим содержанием: тоталитарный, тоталитарист, тоталитаристский, тоталитаризм.

5 Согласно Ф. Ницше, воля к власти является общим знаменателем и базовой мотивацией всей человеческой деятельности. Исследователь понимает власть как нечто тотальное, врожденное, определяющее, утверждая, что нет людей, которые не стремились бы к власти, а есть люди, которые стремятся к ней плохо, мало или недостаточно эффективно. Соответственно этому саму власть Ф. Ницше воспринимает как квинтэссенцию политики.

6 Опираясь на рассуждения Платона, относительно всеобщности и цикличном перемежении тирании и демократии, Э. Эриксон выявил в поведении большинства людей тенденцию к внезапному «тотальному внутреннему изменению». Последняя проявлялась в тотальных практиках изоляции вместо желания находиться с другими людьми, внезапной перемене настроения, абсолютной независимости вслед за абсолютной зависимостью, неожиданном переходе в иную веру, появлении нового хобби, меняющего всю жизнь человека, внезапном изменении политических взглядов и т.п.

здравомыслие, целостность мировоззрения является критерием здоровой и органичной взаимосвязанности различных функций и частей. Она одновременно имеет открытые и подвижные границы с внешней средой, позволяя гармонично решать проблему идентичности личности[7]. В отличие от нее тотальность, как состояние организации личности, всегда связана с кризисом идентичности (спутанной идентичностью в терминологии Э.Эриксона). Это своеобразный способ достижения гештальта в условиях кризиса, характеризующий маргинальное состояние личности, когда в силу различных причин, утрачивается целостность идентичности. В силу этого, тотальность служит «временным решением» проблемы целостности (переходным моментом в достижении целостности на следующей стадии развития), выполняя в процессе реструктуризации мира функцию выживания (например, тотальные решения в пубертатном периоде и юности находят свое выражение в тотальном протесте, направленном на родителей и их «истэблишмент»). Таким образом, оба принципа функционирования сложных многофакторных систем в рамках психосоциального подхода рассматриваются в качестве универсальных, то есть действующих на уровне как индивидуальности, так и социальных структур [7]. Однако целостность характеризует собой состояние продуктивного развития, вариант успешного решения кризиса идентичности, а тотальность является ее симулякром (в терминологии Ж.Бодрийара).

В одно и то же время тотальность инклюзивна и эксклюзивна в отношении абсолютно искусственных границ. Здесь все искусственно задано: что должно оставаться за пределами границ, а что должно находиться внутри, независимо от логики подобия и соотнесенности событий, процессов и объектов. Отсутствует какая-либо возможность дополнительного выбора или изменения. «В образе тотальности на первый план выходит представление об абсолютной замкнутости: все, что находится внутри произвольно очерченных границ, не может выйти за их рамки, а то, что находится вовне, не допускается внутрь. Тотальность характеризуется и абсолютной замкнутостью, и совершенной всеобъемлемостью — независимо от того, является ли категория, попавшая в разряд абсолютных логической, и от того, действительно ли ее составляющие имеют какое-то сходство» [8].

Онтологический статус тотальности кардинально изменяется, когда кризис идентичности в обществе приобретает открытый характер, в силу чего социальные институты уже не способны ассимилировать либо

7 По мнению М.Шебека, вполне «очевидно, что то, что имел в виду Э.Эриксон, это функциональная и структурная взаимосвязь между Эго, Супер-Эго, Я-идеалом, Ид и открытые и гибкие границы с окружающей средой. Если добавить к этому точку зрения теории объектных отношений, то внутренние объекты трансформируются в личные идеологии таким способом, который лучше всего соответствует реальности (а не способствует ее искажению). Такое описание совпадает с концепцией нормальной взрослой личности, основанной не на статистических данных, а на понятии многоуровневых функциональных систем» [6].

подавлять оппозиционные тенденции. В этом случае, речь идет уже о социальным конфликте, ведущем к пересмотру содержания и переустройству соответствующих базисных институтов. Другими словами, в случае, если деструктивный потенциал негативного развития на индивидуальном уровне превосходит возможности ассимиляции и компенсации в обществе, организованном по принципу цельности, имеет место усиление тоталитарных тенденций. «Такое общество можно охарактеризовать как деградирующее, поскольку снижается институциональная витальность фундаментальных составляющих общественной традиции, и в конце концов на смену принципу цельности приходит принцип тотальности, находящий свое выражение в тоталитарной идеологии. Тем самым новый психосоциальный баланс устанавливается на уровне «спутанность идентичности — тотальность», и возникает шизогенное общество» [9]. Так на уровне социальной системы изменяется доминирующий принцип обеспечения целостности[8].

В этой ситуации идеология тотальности, проявляющая себя в практиках нацизма и неонацизма, коммунизма и пацифизма, антисемитизма, радикальных движениях или массовом потребительстве становится индивидуальным выбором, при котором целостность, как состояние баланса системы (индивидуальной или социальной) не достигается, а тотальность трансформируется в постоянный способ приспособления. «Имея тенденцию искать в любой среде что-то знакомое и безопасное (для ребенка это его мать как источник базового доверия, а для взрослого – любая среда или люди, от которых он или она объективно зависят), мы склонны выбирать могущественные объекты, наделенные (в нашем восприятии или фантазии) способностью справляться с нашей экзистенциальной транссубъективной тревогой: они наделены силой, чтобы спасать нас ... или преследовать наших врагов.

8 Э.Эриксон отмечает, что если в обществе, организованном по принципу тотальности, начинает доминировать позитивная тенденция индивидуального развития, институциональная витальность традиции повышается. Это проявляется, в частности, в демократизации социальных институтов, их открытости и способности к восприятию и ассимиляции инновационных идей. Такое общество можно охарактеризовать как развивающееся. Если данный процесс получает логическое завершение, в качестве доминирующего принципа организации общества на смену тотальности приходит цельность, выражающаяся в идеологическом обосновании примата прав личности, терпимости к инакомыслию, социальном партнерстве. Установленный таким образом баланс — «идентичность — цельность» — означает переход к витальному обществу.

С точки зрения характеристик соотношение «витальное общество — шизогенное общество» близко к предложенным Э. Фроммом понятиям здорового и нездорового общества. Согласно исследователю, «здоровое общество развивает способность человека любить людей, стимулирует созидательный труд, развитие разума, объективности, обретение чувства собственного Я, основанного на ощущении своих творческих сил. Нездоровое общество порождает взаимную вражду, недоверие, превращает человека в объект манипуляций и эксплуатации, лишает его чувства Я, сохраняющегося лишь в той мере, в какой человек подчиняется другим или становиться автоматом» [10].

Воспринимая мир через всемогущие тоталитарные объекты, мы можем обнаружить вокруг себя всего лишь слабых, наивных и глупых людей, задача которых – подчиняться нам и принимать нашу неограниченную доминирующую роль. Когда мы проецируем свои тоталитарные объекты на окружающую среду, мы опасаемся возникновения потенциального конфликта с ними, можем почувствовать себя слабыми, у нас возникает стремление приспособиться к их желаниям и потребностям, чтобы избежать разрушения. Садистические и мазохистские характеристики этих объектов ощущаются достаточно четко» [6].

Выводы. Таким образом, анализируя способы и варианты решения проблематики социального единства, возникает неумолимая латентная угроза трансформации самой экзистенции феномена единения. Социальная практика достаточно отчетливо констатирует ситуацию, в которой стремления человечества к единению заканчивались продуцированием тоталитарных тенденций. Природа и логика последней приобретают особую опасность в связи с симулятивностью тотального, «универсальностью» установок и механизмов тоталитаризма. Однако выявление содержательных аспектов феномена, открывает перспективы конструирования философии целостности, снятия угроз и опасностей тотального синдрома как на индивидуальном, так и на социальном уровнях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Левинас Э. Избраннное: Тотальность и бесконечное. М.: Университетская книга, 2000. — 416 с.

2. Сокулер З. А. Герман Коген и философия диалога. М.: Прогресс-традиция, 2008.- 312 с.

3. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000. — 1536 с.

4. Латинско-русский словарь. Изд. 2 / сост. А. М. Малинин. — М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1961. — 764 с.

5. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под общ. ред. Ю. Д. Апресяна. — М.: Языки славянских культур, 2003. Вып. 3

6. Шебек М. Тоталитарная психика \\ Журнал практической психологии и психоанализа, 2010, №4. [Електронний ресурс]. Режим доступа: http://psyjournal.ru/psyjournal/articles/detail.php?ID=2606\

7. Erikson E. Life history and the historical moment. N. Y.: Norton, 1975. [Електронний ресурс]. Режим доступа: http://psychlib.ru/mgppu/periodica/VP022007/Iip-109.htm

8. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996. [Електронний ресурс]. Режим доступа: http://psychlib.ru/mgppu/periodica/VP022007/Iip-109.htm

9. Ильин В. Использование психосоциального подхода для изучения социально-психологических процессов в современном обществе. [Електронний ресурс]. Режим доступа: http://psychlib.ru/mgppu/periodica/VP022007/Iip-109.htm

10. Фромм Э. Здоровое общество. М.: АСТ; Транзит-книга, 2005. [Електронний ресурс] Режим доступа: http://psychlib.ru/mgppu/periodica/VP022007/Iip-109.htm.

ПРОЕКТИ СОЦІАЛЬНОЇ ЄДНОСТІ: ІДЕОЛОГІЯ ТОТАЛЬНОСТІ VS ФІЛОСОФІЇ ЦІЛІСНОСТІ

Бродецька Ю. Ю.

Акцент дослідження зосереджений на аналізі феномена цілісності та проектах його реалізації, представлених в класичній і сучасній соціально-філософської традиціях. Умови розвитку сучасного суспільства, його характер і перспективи, потребують вирішення проблематики соціального єднання, здатного відновити втрачений соціальний порядок. Соціальна практика XX століття виявила неспроможність раціонального проекту суспільства-держави, розповсюджують свою монополію на всі сфери людського спів-буття. Криза ідеології тотальності заявив про себе реальною загрозою людського спів-існування. У зв'язку з цим, автор звертається до теми тотальності, пошуку сутнісних аспектів і загроз даного феномена. На думку автора, дослідження феномену тотальності, виявлення умов його інвестування в соціальне життя дозволяє виявити деструктивний потенціал феномена, загрозливий вирішенню проблеми індивідуальної та соціальної цілісності, визначити стратегії і механізми трансформації тотальних установок в соціальну практику.

Ключові слова: тотальність, соціальна цілісність, ідеологія тотальності, насильство.

SOCIAL UNITY PROJECTS: THE TOTALITY IDEOLOGY VS INTEGRITY PHILOSOPHY

I. I. Brodetskaya

The focus of research is focused on the analysis of the integrity phenomenon and its draft solution that presented in classical and modern social and philosophical traditions. The modern society development condition its character and perspectives are controversial. They need to solve the problem of social unity, which can restore the lost social order. The twentieth century social practice revealed the impossible of rational society-state project that distributed its monopoly on all spheres of human co-existence. The crisis of ideology totality declared itself a real threat to human co-existence. In this connection, the author refers to the topic of totality, he looking for essential aspects and threats this phenomenon. Thus, study of the totality phenomenon allows to identify the conditions its broadcast in social life, reveals the destructive potential of totality, that threatens solve the problem individual and social integrity. It also allows defining the strategy and transformation mechanisms of total installations in social practices.

Keywords: totality, social integrity, ideology totality, violence.